

Se me perdieron las llaves¹, или Еще раз о феномене вины в философии права

Стовба Алексей Вячеславович

проректор по вопросам научной и методической работы Харьковского института кадров управления, Харьков, Украина, доктор юридических наук; stovba34@mail.ru

Мыца Юрий Викторович

адвокат, кандидат юридических наук, практикующий юрист, Харьков, Украина; ukrtechnosfera@ukr.net

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена осмыслению феномена вины в философско-правовом ракурсе. Рассмотрение данной проблемы проводится в синхронном и диахронном аспекте. В синхронном аспекте авторы проводят исследование специфики вины как на материале частного права (гражданского права, хозяйственного права), так и в плоскости права публичного (прежде всего, уголовного права). В разрезе диахронического исследования проблемы вины авторы обращаются к истокам правовой мысли — законодательству и философии права Древней Греции (прежде всего, досократической философии права — Парменида и Гераклита) и Древнего Рима. В результате проведенного диахронического анализа можно сделать вывод о том, что в философско-правовом аспекте вина исходно представляет собой трансформированную категорию причинности, которая впоследствии заменяется трактовкой вины как психического отношения лица, совершившего противоправное деяние, к его общественно опасным последствиям. Данный вывод базируется, в частности, на сравнительном исследовании обязательств, возникающих из договора и из причинения вреда (договорных и деликтных обязательств). При этом вина как причинно-следственная связь существует между умышленным либо неосторожным деянием, с одной стороны, и причиненным данным деянием ущербом — с другой. Необходимо подчеркнуть, что такая категория, как «правонарушение» (нарушение норм права), трактуется как исторически вторичная и более поздняя по отношению к феномену нанесения ущерба. В свою очередь, синхронный анализ феномена вины дает авторам основания выдвинуть гипотезу о том, что форма вины (умысел или неосторожность) является критерием, позволяющим разграничить сферы частного (сфера неосторожного деяния) и публичного (сфера умышленного деяния) права. При этом сфера грубой неосторожности является так называемой «серой», пограничной зоной между отраслями публичного и частного права. В качестве особого случая выделяется гражданско-правовой институт ответственности без вины, когда сам факт совершения соответствующего деяния (или даже владения соответствующим имуществом) дает основания привлечь лицо к предусмотренной законом ответственности. В итоге авторы приходят к выводу о том, что подлинным основанием для правовой ответственности лица является вина как вовлеченность в происшествие, т. е. ту конкретную ситуацию, «дело», которое является онтологическим поводом для обращения к праву.

Ключевые слова: вина, умысел, неосторожность, причинность, частное право, публичное право

Se me perdieron las llaves, or Back to the Phenomenon of Guilt in Philosophy of Law Again

Oleksiy V. Stovba

Vice Rector for Research and Methodological Work of Kharkiv Institute of Management Stuff, Ukraine, Kharkiv, Doctor of Science (Jurisprudence); stovba34@mail.ru

Yuriy V. Mytsa

Attorney at Law, PhD in Jurisprudence, Practical Lawyer, Kharkiv, Ukraine: ukrtechnosfera@ukr.net

ABSTRACT

The article is dedicated to the consideration of the phenomenon of guilt in the sphere of legal philosophy. The reasoning of the similar issue is fulfilled both synchronically and diachronically. In the synchronic field of research authors consider the specificity of guilt in the sphere of private law (civil law, commercial law) as such as in the region of public law (criminal law, administrative law). In the context of the diachronic research of the phenomenon of guilt authors turn themselves to the origin of the legal thought — legislation and legal philosophy of Ancient Greece (first of all, pre-Socratic philosophy of law — Parmenides, Heraclitus etc.) and Ancient Rome. The result of the diachronic analyses is the following conclusion. The guilt in its legal-philosophical aspect presents itself originally as the transformed category of the causality. During the contemporary development of the legal thought the latter is substituted by the interpretation of the guilt as the psychological relation of the person, who has committed the legal deed towards its socially dangerous consequences. The similar conclusion is grounded partly on the comparative examination of the obligations, which derivate from contract and from the infliction of the harm (contractual obligation and delict obligation). In the similar case the guilt as the causal relation is existed between the deliberate or negligent action from one

¹ У меня потерялись ключи (исп.)

side and the harm, which is derivated from the similar action — from the other. In this situation the category of delict (the break of the norms and rules) is interpreted as the secondary in historical relation and taking place later than phenomenon of causing the harm. In its turn, the synchronic analyze of the phenomenon of guilt leads authors to the hypotheses, that the form of guilt (criminal intent or criminal negligence) is a criterion, which gives us possibility to distinguish the fields of private law and public law. It's worth to underline that sphere of gross negligence is the border line (so-called mixed zone) between the public and the private law. As the special case authors underline such institute of the civil law as the responsibility without guilt, when the fact of the committing deed (or even the possession of the certain estate) as such creates the ground of the legal responsibility of the person. Finally authors come to conclusion that the real foundation of the legal responsibility is guilt as the fact of involving in the occurrence, i. e. that concrete situation, "case" which is an ontological ground to turn to the law.

Keywords: guilt, intent, negligence, causality, private law, public law

1. Введение

Вопрос о вине является фундаментальным как для теории права, так и для юридической практики. При этом если в практическом аспекте именно установление виновного лица является сердцевиной уголовного, гражданского либо иного судебного процесса, то в разрезе философии права акцент вопрошания смещается на сам феномен вины как таковой. Что дает основания установить связь между деянием лица, с одной стороны, фактическими его последствиями — с другой, правовыми последствиями — с третьей? В подобный «бермудский треугольник» неизбежно попадает всякий, кто возьмет на себя нелегкую задачу осмысления проблемы вины в ее философско-правовом аспекте.

Вместе с тем следует обратить внимание на тот, казалось бы, очевидный факт, что в подобном же треугольнике оказывается не только правовед, но и теолог, и этик, и вообще всякий, кто рискует задаться вопросом о вине в ее религиозном, этическом либо иных измерениях. Соответственно, задачей философии права в данном случае будет своеобразная «спецификация» этого «треугольника» в правовом отношении, поскольку вина как фундаментальное условие ответственности человека перед Богом, людьми либо же, например, государством или обществом будет в значительной мере дифференцирована в зависимости от ракурса вопрошания.

2. Историческая экспозиция проблемы

Как известно, в древние времена право не выделялось как таковое из общего объема социальных норм, будучи вписано в синкретичный массив религиозных, этических и прочих правил, регулирующих совместную жизнь людей. В соответствии с этим аналогичным образом — синкретично-упрощенно — мыслилась и сама вина, представляя собой не «психическое отношение лица к совершенному деянию», но его «бытие-причиной» происшедшего, т. е. фактическую способность человека зачинать тот причинно-следственный ряд, который в дальнейшем приводит к определенному результату². Иными словами, более исходно, нежели психическое отношение лица к совершенному, вина означает: источник, начало, причину, повод, предлог³. Аналогичным образом и в латыни (*causa*), и, например, в немецком языке (*die Schuld*) вина обозначает способность человека *зачинать тот причинно-следственный ряд, который приводит (может привести) к возникновению ущерба*. Как указывает, разбирая феномен вины, немецкий философ М. Хайдеггер, «вина» может пониматься двояко: как «бытие-повинным» в смысле обязанности перед кем-то и «бытие-причиной» чего-либо. Они совпадают в том, что мы называем «*провиниться*» (курсив М. Х.), т. е. через виновность в повинности нарушить право и сделать себя подлежащим наказанию. ...Провинность происходит не посредством правонарушения как такового, но из-за того, что моя вина есть в том, что Другой в своей экзистенции поставлен под удар, сбит с пути или даже сломлен. Эта провинность перед Другими возможна и без нарушения «публичного» закона⁴.

Поясняя сказанное, следует отметить, что в истории права вина исходно понималась как способность человека быть причиной того, что произошло (причинения ущерба). Наглядной иллюст-

² Карнаух Б. П. Вина як умова цивільно-правової відповідальності. Харків, 2014. С. 10.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 1. А — З. С. 204.

⁴ Heidegger M. Sein und Zeit. Tuebingen, 2001. S. 282. См. также русский перевод: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 282. Ссылка на немецкий текст приводится по причине нашего несогласия с переводом данного фрагмента В. В. Библихиным (так, например, последний переводит «ein Recht verletzen» как «нарушить закон» вместо «нарушить право» и проч.).

рацией подобной ситуации были судебники эпохи Раннего Средневековья («Салическая правда», «Русская правда», «Серый гусь» и т. п.), которые содержали не столько составы преступлений, сколько были своеобразным «прейскурантом» материального эквивалента нанесенного ущерба, фактически замещавшего собою как вину, так и правонарушение в целом.

Вместе с тем что означает «быть причиной»? Ведь в известной мере «причиной» убийства, совершенного ребенком, «являются» родители как причина его появления на свет, кражи — чувство голода вора, несчастного случая — животное либо предмет, фактически причинившие вред. Иными словами, вопрос о вине как причине порождает вопрос как минимум о критериях определения причины как той «точки отсчета», от которой следует «отсчитывать» как само происходящее, так и его итог — причинение ущерба. Аналогичным образом и в сфере гражданского права еще в Древнем Риме усложнение форм хозяйственного оборота привело к тому, что неисполнение обязательства контрагентом или фактическое причинение вреда зачастую оказывалось вызванным сложным комплексом промежуточных причин и следствий, при которых простое «объективное вменение» вины не могло служить эффективным способом решения спора.

Как известно, еще в древнейшем римском праве было установлено, что обязательство может возникать из двоякого основания: из договора и из деликта⁵. Иными словами, исходно как в праве германском, так и в римском праве архаичного периода «виной», т. е. причиной возникновения обязательства (как правило, возмещения вреда), считалось то деяние, которое причиняло ущерб: либо как нарушение взятых на себя обязательств, либо непосредственно — как деликт. Вина при этом специфицировалась тройко: как умысел (*dolus*), грубая неосторожность (*culpa lata*) и легкая неосторожность (*culpa levis*)⁶. Несколько отклоняясь, можно предположить, что именно упомянутое выделение трех степеней вины послужило в современной теории права основанием для кристаллизации как «материального», так и «процессуального» различия частного и публичного права. Так, если деликт был совершен умышленно, то это деяние попадало в сферу публичного права и подлежало преследованию со стороны государства. Если же вред был причинен неосторожно либо же стал следствием неисполнения договора, совершенное правонарушение относилось к сфере права частного, а процесс привлечения виновного к ответственности носил характер частного обвинения. Не случайно еще в римском праве под злым умыслом (*dolus malus*) понималась не столько степень вины, сколько деликт как таковой («причинение вреда из злого умысла») ⁷. В свою очередь, неосторожность римские юристы понимали, прежде всего, как неосмотрительность. Вина имеется тогда, когда не было предусмотрено того, что заботливый человек мог предусмотреть⁸.

При этом форма вины служила «водоразделом» и для определения предметных сфер не только материального, но и процессуального права. Как известно, в эпоху общинно-родового строя не только правовое преследование виновного, но и исполнение судебного решения целиком и полностью возлагалось на заинтересованное лицо — истца. Однако, как указывает французский философ М. Фуко, начиная с эпохи классического Средневековья право разрешать свои тяжбы отчуждается у индивидов; появляется прокурор, как представляющий государство, терпящее ущерб от проступка, появляется само понятие правонарушения⁹. Тем самым с развитием государства последнее начинает активно монополизировать право на принуждение, прежде всего, в отношении умышленных преступлений. Апогей подобная тенденция достигает в абсолютистских государствах Нового времени, когда любое публичное правонарушение мыслилось как «покушение на тело монарха», которое могло быть уравновешено лишь ответной материальной репрессией государства в отношении тела преступника¹⁰.

⁵ Мы не зря акцентируем внимание на древнейшем происхождении данного деления, поскольку лишь в классический период римское правоправедение начинает учитывать его неполноту. Так, Гай хотя и говорит в Институциях (III.88), что *“omnis obligatio vel ex contractu nascitur vel ex delicto”*, но сам же в другом сочинении (2-я книга «Золотых», *Aureorum*) прибавляет третью группу *“aut propria quodam jure ex variis causarum figuris”* (из разных других оснований). В юстиниановский же период перед нами предстает вообще сформировавшееся четырехчленное деление таких оснований (контракты, деликты, квазиконтракты, квазиделикты) (см.: Покровский И. А. История римского права. СПб., 1999. С. 372, 390, 391; Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1997. С. 239, 240).

⁶ Карнаух Б. П. Вина як умова цивільно-правової відповідальності. Харків, 2014. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Истина и правовые установления. М., 2005. С. 88.

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 73.

3. Феномен вины в современном правоведении

Как можно видеть, с незначительными изменениями подобное основание дифференциации публичного и частного права сохранилось и до наших дней, будучи актуализировано как в «материально-правовом» различии публичного и частного права, так и в «процессуально-правовом» различии уголовного либо административного процесса, с одной стороны, и хозяйственного либо гражданского — с другой. Отвечая на возможное возражение о том, что любой процесс по своей сути публичен (как минимум в силу своего отправления государственным органом — судом), следует пояснить, что, например, умышленное причинение вреда имуществу и умышленное неисполнение взятых на себя гражданско-правовых обязательств являются по своей сути публичными правонарушениями и подлежат преследованию со стороны государства, тогда как аналогичные деяния, совершенные по неосторожности, принадлежат к сфере частного права, когда привлечение виновных лиц к ответственности является прерогативой самого потерпевшего. В то же время существует и так называемая «серая зона» между публичным и частным правом, когда ряд неосторожных деликтов (например, неосторожное убийство, ДТП со смертельным исходом) криминализуются, входя в сферу уголовного права. Подобной же «серой зоной» в процессуальном отношении являются дела частного обвинения в уголовном процессе либо публичные иски в процессе гражданском либо хозяйственном.

Следует предположить, что исторической основой для разграничения «серой зоны» сфер публичного и частного права в материально-правовом отношении также могут послужить ранее упомянутые нами степени вины, выделявшиеся еще в римском праве: грубая неосторожность (*culpa lata*) и легкая неосторожность (*culpa levis*). Так, грубая неосторожность имела место там, где отсутствовала та мера предусмотрительности (*diligentia*), которой можно было требовать от кого угодно, от «любого»¹¹. В то же время легкая неосторожность понималась как отсутствие той предусмотрительности, которая присуща не всякому, но лишь хорошему, осмотрительному хозяину (*bonus paterfamilias, diligens paterfamilias*)¹². Иными словами, если грубая неосторожность в древнейшем римском праве фактически приравнивалась к умыслу и, соответственно, по своей сути принадлежит к сфере права публичного, то легкая неосторожность имманентно относится к сфере права частного¹³.

Таким образом, можно предположить, что вина как отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям является важнейшим критерием для различия того, принадлежит ли это деяние по своей сути к сфере публичного либо частного права, тем самым предопределяя и соответствующие материальные либо процессуальные последствия. Так, если вина будет выражена в форме умысла, виновное деяние, очевидно, будет в основном иметь публично-правовую природу, в случае же легкой неосторожности — относиться к сфере частного права. Вина в форме грубой неосторожности вводит совершенное деяние в т. н. «серую зону» между публичным и частным правом, когда идентификация соответствующих правоотношений будет колебаться в зависимости от конкретных исторических, социальных, политических и иных стандартов. Так, например, согласно законодательству Украины, если водитель автомобиля, будучи в нетрезвом виде, не справился с управлением и неосторожно врезался в чужую автомашину, это будет представлять собой гражданско-правовой деликт. Если же будет доказано, что упомянутые действия совершены умышленно, то это деяние как преднамеренное уничтожение чужого имущества автоматически перемещается в сферу публичного права. Вместе с тем очевидно, что законодательства других стран могут иначе регулировать данные ситуации.

Аналогичным образом от формы вины зависят характер и специфика правовых последствий содеянного. Так, при вине в форме умысла в центре внимания будет находиться, прежде всего, кара, наказание за совершенное деяние, а лишь затем компенсация причиненного вреда. В то же

¹¹ Карнаух Б. П. Вина як умова цивільно-правової відповідальності. Харків, 2014. С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ В этой связи заслуживает особого внимания концепция Л. И. Петражицкого, который при рассмотрении разделения права на публичное и частное перенес акценты в область индивидуальных психических переживаний управомоченного лица. В таком подходе гораздо более смысла, чем может показаться на первый взгляд, особенно если учитывать наряду с личным мнением управомоченного лица относительно направленности его интереса также и поддающийся гораздо большей объективации фактор формы и степени вины субъекта (о чем нами, собственно, и говорится). Таким образом, критерий основного разделения права, предложенный Л. И. Петражицким, проявляется гораздо четче и яснее становится несправедливость упреков сторонников теории материального интереса, которые приписывают данному подходу зависимость от изменчивого состояния настроения управомоченного лица (подробнее об этом см.: Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Б. Б. Черепяхин. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 98–100).

время любая неосторожность выводит на первое место именно вопросы возмещения ущерба, тогда как справедливое возмездие за совершенное деяние играет второстепенную роль. Это различие покрывает даже упомянутые ранее «серые зоны» между частным и публичным правом. Ведь из практики мы знаем, что по делам о неосторожных преступлениях возмещение причиненного вреда и примирение с потерпевшим чаще всего приводят к освобождению виновного лица от наказания либо даже от уголовной ответственности, в то время как по умышленным преступлениям совершение упомянутых действий в большинстве случаев лишь смягчает наказание.

Суммируя сказанное, можно прийти к выводу, что единый и мнимо самодостовверный феномен вины при более пристальном рассмотрении распадается на сложный комплекс взаимодействия таких фундаментальных правовых категорий, как *вина*, *ответственность* и *ущерб*. Так, в сфере публичного права, преимущественно сфере умысла, *вина* как бы «превалирует» над *ущербом*, детерминируя *ответственность* в первую очередь самим содеянным, а лишь затем его последствиями и возможностью возмещения¹⁴. Иными словами, совершенное умышленно деяние как бы само по себе «формирует» свои последствия, когда ответственность как *правовые* последствия совершенного обусловлены, прежде всего, умышленностью деяния. В сфере же частного права в отношении неосторожного деликта акцент смещается с *вины* на *фактические* последствия — *ущерб*, отсутствие которого исключает *ответственность* правонарушителя, а компенсация результата неосторожно совершенного деяния как бы «стирает» совершенное, делая юридическую ответственность по своей сути деривативной, производной от фактического возмещения вреда. Иными словами, *вина* в сфере частного права из психического отношения правонарушителя к совершенному деянию и его последствиям фактически тяготеет к *объективному вменению субъекту нарушения тех правил, соблюдение которых позволило бы ему избежать причинения вреда*. Апогеем подобного перехода от феномена *вины* как основания юридической *ответственности* к *деянию* является *ответственность без вины*, как это имеет место при возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности. При этом можно предположить, что такие широко распространенные цивилистические конструкции, как презумпция вины ответчика либо безвиновная ответственность, являются скорее фикциями, призванными прикрыть фактически имеющее место объективное вменение. Другими словами, в упомянутых примерах «отсчет точки вины» как причины происшедшего отодвигается с виновного (умышленного либо неосторожного) совершения деликтного деяния на сам факт владения соответствующим имуществом (при безвиновной ответственности) либо же на совершение того деяния, которое чисто детерминистически привело к нанесению ущерба. При этом психическое отношение ответчика к совершенному деянию и его последствиям имеет значение лишь постольку, поскольку нужно отграничить *умысел* (переводящий происходящее в сферу публичного права) от *неосторожности* (позволяющей остаться в рамках права частного). Тем самым фактически имеющее место объективное вменение прикрывается конструкциями безвиновной ответственности либо презумпцией вины исключительно с целью «идеологической маскировки» «средневековой» по своей сути правовой политики государства в соответствующей сфере.

Таким образом, в ходе нашего рассмотрения вопроса о вине мы приходим к необходимости пересмотра координат его осмысления. Однако в поисках выхода из ранее упомянутого т. н. «бермудского треугольника» (деяние — ущерб — санкция) мы попадаем в другой «треугольник», обозначенный деянием, ущербом и ответственностью, где, кажется, уже нет места вине. Что же является в таком случае основанием правовой ответственности? Следует допустить, что здесь находится предел вопрошания в рамках отраслевой правовой науки, которая способна лишь конструировать догматические конструкции, не задумываясь об их природе и сути. Так, например, формулировка ст. 179 ГК Украины называет вещь «предметом материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности». Однако гражданское право в рамках своей предметной области не в силах определить, что такое «мир», «материя», «предмет» и т. п., будучи вынужденным заимствовать данные категории из философии в качестве догматических. Тем самым мы вынуждены перейти в сферу философии права, которая по своей природе призвана вопрошать о смысле и основаниях соответствующих явлений.

¹⁴ Следует отметить, что и различие между т. н. «материальным» и «формальным» составами преступления не опровергает нашего утверждения, поскольку в преступлениях с формальным либо даже усеченным составом наступление общественно опасных последствий презюмируется по определению (как, например, в случае создания преступной организации [ст. 255 УК Украины], когда сам факт создания таковой считается причиняющим вред общественным отношениям, независимо от того, совершила ли такая организация какие-либо конкретные преступления или нет).

4. Феномен вины в философии права

Как известно, в теории и философии права вина традиционно трактовалась двояко: «субъективно» — как психическое отношение лица к совершенному деянию (т. н. «психологическая теория вины»), либо же «объективно» — как способ поведения, объективно не соответствующий стандартам, принятым в том либо ином обществе, независимо от направленности умысла виновного (т. н. «поведенческая теория вины»)¹⁵. Вместе с тем как одна, так и другая теория в своей основе опираются на философский постулат о том, что между человеческим деянием (действием либо бездействием) и его последствиями существует какой-то особый род связи, который не может быть сведен ни к причинно-следственной, ни к логической связи, но имеющий совершенно особую природу. Иными словами, мнимо противоречащие друг другу «субъективное» и «объективное» истолкования феномена вины имеют общие философские корни, уходя в те концепции истины, которые бытовали в сознании людей в соответствующий период времени, вызывая и обуславливая соответствующее понимание вины в сфере правоведения¹⁶.

В современной неклассической философии права вина исходно понимается как экзистенциальная способность человека стать причиной для причинения ущерба бытию другого человека (экзистенции)¹⁷. Эта способность заключается в том, что правонарушитель в своем бытии с другими людьми как бы «скрывает» себя, посредством подобного сокрытия не давая реализовывать свои возможности встречным ему в бытии другим людям. Модусами подобной скрытости являются «от-каз» (полная сокрытость), «кажимость» (искаженная видимость) и «за-каз» (гиперманифестация себя в бытии с другими людьми, исключающая и поглощающая их себя-казание)¹⁸. В свою очередь, и в римском праве вина как злой умысел изначально была связана с неявленностью, искаженностью, сокрытием. Так, злой умысел трактовался как некая «хитрость, чтобы ввести другое лицо в обман, когда притворная видимость — одно, а делается другое» (Сервий). «Можно и без притворства действовать таким образом, что кого-нибудь обходят (обманывают), можно и без злого умысла делать одно и создавать притворную видимость другого: так действуют те, кто путем такого притворства удерживают и охраняют или свое, или чужое; поэтому сам (Лабейон) так определяет злой умысел: это есть лукавство, обман, хитрость, совершенные для того, чтобы обойти, обмануть, опутать другого» (Ульпиан)¹⁹.

Однако дифференция между виной и невиновностью как между сокрытостью и явленностью имеет даже более глубокие, нежели латинские, греческие корни: как различие между истинной (ἀλήθεια), понимаемой как максимальная явленность сущего во всей полноте его бытия, и ложью, сокрытостью, забвением истины сущего (λήθη). Еще у Парменида доступ к ἀλήθεια хранит не кто иная, как богиня Дике, которая владеет меняющимися (то запирающими, то отпирающими) ключами от врат Дня и Ночи²⁰. Как неоднократно отмечалось в соответствующей литературе, между истиной (ἀλήθεια) и правом («дике») существует изначальная взаимосвязь. Так, немецкий философ права Э. Вольф указывает, что сущность Дике как богини, светящей и просвещающей, освещающей, выставляющей на свет и сокрытое (неправо) открывающей, раскрывающей и разоблачающей, тождественна сущности ἀλήθεια²¹. Отсюда вина, взятая в подобном ракурсе, представляет собой специфический способ бытия человека, онтологически-экзистенциально связанный с неистинностью, сокрытостью, которые на онтоико-психологическом уровне проявляются как ложь, обман либо притворство. Тем самым неожиданно обнаруживается,

¹⁵ Карнаух Б. П. Вина як умова цивільно-правової відповідальності. Харків, 2014. С. 44.

¹⁶ Ссылка на «соответствующий период времени» сделана отнюдь не случайно. Именно в зависимости от избранной исторической эпохи «привязка» вины к человеку будет опираться на самые различные предпосылки, начиная от «объективного вменения» (вина как причина) и заканчивая вменением вины как «субъективной направленности умысла» актанта. При этом на «доисторическом» этапе развития человечества о «специфически правовой вине» вообще говорить не приходится, поскольку само право не было вычленено из системы иных социальных норм, которые представляли собой синкретичный сплав религии, морали, магии и т. п. Аналогичным образом на место детерминистической связи деяния и его последствий в первобытном обществе заступали «акаузальные ряды» (К.-Г. Юнг), когда, например, в отличие от «физического» причинения вреда «порча», «сглаз» и т. п. оказывались не результатом «прямого действия» человека, но его обращения к потусторонним силам («союзникам», «духам», «тотемам» и пр.).

¹⁷ Стомба А. В. Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 288 и далее.

¹⁸ Там же. С. 290.

¹⁹ D.4.3.1.2 (цит. по: Дигесты Юстиниана / перевод с латинского. Т. I. Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002). С. 433).

²⁰ Досократики: элеатовский и доэлеатовский периоды [пер. с древнегреч. А. Маковельского]. Минск, 1997. С. 452.

²¹ Wolf E. Griechisches Rechtsdenken. Frankfurt am Main, 1947. S. 36.

что прежде всякого «объективного вменения» либо «формы умысла» вина оказывается неразрывно связанной с истиной.

Однако истина у древних греков — это отнюдь не застывшее «соответствие наших представлений объективному положению вещей». Как неоднократно отмечалось в соответствующей литературе, античная истина по своей сути динамична, она постоянно сбывается, происходит²². Когда же этому сбыванию, происшествию истины ставится предел, тогда и имеет место вина. Иными словами, если истина есть само происходящее, то искривление, сокрытие его и будет виной. Иначе говоря, ранее чем нарушение всякого естественного права или позитивного закона правонарушение правонарушителя состояло в том, что он не давал сбыться тому, что по своей сути таково, а посредством своего действия либо бездействия как бы скрывал, затемнял суть происходящего, так что уже было не разобрать, кто поступил по правде, а кто нет. Вследствие противоправного по своей природе, т. е. «виновного» в самом что ни на есть исходном смысле деяния различие между Дике (правдой, чином) и Адиксией (бесчинством) оказывается стертым.

Вместе с тем еще для древних греков было очевидно, что поступать, скрывая истину происходящего, можно с самыми лучшими намерениями, вообще не осознавая упомянутого сокрытия. Так, в известной трагедии Софокла «Царь Эдип» древнегреческий герой Эдип, спеша по ночной дороге, нечаянно убивает своего отца Лая, а избавив родной город Фивы от чудовища Сфинкса, оказывается мужем своей матери. При этом то, что Эдип действовал по неведению, не только не имея умысла совершить такие страшные вещи, но и поступая с совершенно благородными намерениями, никоим образом не избавляет его ни от вины, ни от ответственности за содеянное. Эдип оказывается виновным постольку, поскольку, совершив определенное деяние, искажающее происходящее, оказывается вовлечен в него, и этот факт «вовлеченности» и оказывается истоком как вины, так и ответственности²³. Другими словами, можно предположить, что до всяких «объективных» и «субъективных» теорий вины ее онтологической основой является происшествие как таковое, в которое оказывается вовлечен человек, когда все происходит как бы само собой, но человек все равно оказывается ответственным за происходящее с ним.

Обращаясь к философско-методологическим предпосылкам данной гипотезы, следует указать, что подобно конструкции относительного правоотношения в праве гражданском в современной философии права можно встретить так называемую «дискретную теорию права», согласно которой право не существует постоянно как некое правовое поле, постоянно пронизывая сущую действительность, но дискретно, возникая вследствие совершенного деяния и исчезая после наступления соразмерных и своевременных ему правовых последствий²⁴. Аналогичным образом можно предположить, что и вина изначально существует не в виде идеальной вневременной конструкции, описывающей «психическое отношение лица к деянию и его последствиям» либо же «объективно противоправный способ поведения», а как конкретно-ситуативное обретение человеком «места» в происходящем, когда он, будучи вовлечен в него как кто-то, «автоматически» получает тот соответствующий комплекс «прав и обязанностей», который и делает возможным всякий фактический дискурс о вине лица. Иначе говоря, исходно вина есть своеобразный «индикатор» вовлеченности лица в происшествие, в то время как ответственность есть «обратная связь» человека и происходящего. Другими словами, лицо, будучи «связано с происходящим определенным образом» (образом присутствия в нем)²⁵, дает «обратный отсчет» данной связи в ходе экспликации своего места как доли в целом происшествии, тем самым «принимая на себя ответственность» за происходящее с ним.

Прояснить сказанное поможет небольшой экскурс в сферу лингвистики²⁶. Так, в испанском языке страдательный залог выражается частицей «se», которая ставится в начале предложения. Как и в украинском, и в русском языках (посредством частицы «ся», выражающей, однако, и возвратность

²² Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009. С. 202.

²³ Задачей данной статьи не является полная и всесторонняя интерпретация данного, чрезвычайно глубокого и многопланового мифа (что потребовало бы самостоятельного исследования, выходящего за рамки правоведения). Здесь же авторами с помощью мифологического материала проводится образная иллюстрация некоторых положений настоящей статьи. По схожему пути движется, например, известный французский философ М. Фуко, который полагает, что пьеса «Царь Эдип» может быть рассмотрена как литературное изложение проблем власти (см. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Истина и правовые установления. М., 2005. С. 68).

²⁴ См., напр., Стомба А. В. Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 6, 209 и далее.

²⁵ Там же. С. 317.

²⁶ Следует подчеркнуть, что данный экскурс не носит самостоятельного методологического значения, но имеет целью с помощью выразительных средств испанского языка проиллюстрировать некоторые положения настоящей статьи.

действия), подобная конструкция указывает, что все происходит как бы «само собой», в то время как сущее, вовлеченное в подобное происходящее, пассивно. Например, выражение “se perdieron las llaves” обозначает «ключи потерялись», т. е. они потерялись «сами собой», а не «кем-то потеряны». Если же я хочу сказать, что «я потерял ключи», т. е. ответственен за потерю, это будет звучать как “yo perdi las llaves”. Но если ключи «потерялись сами», но все же у меня, испаноязычная конструкция выражает это максимально эффектно, говоря, что не «ключи потеряны мною», а «у меня потерялись ключи». Выражение “Se me perdieron las llaves” через частицу “se” хотя и будет указывать на мою пассивную роль в происходящем, однако посредством возвратного местоимения *me*, т. е. «у меня», необратимым образом вписывает меня в произошедший факт утраты, тем самым вменяя мне вину и возлагая ответственность. Метафорически выражаясь, хотя «ключи» от врат Парменидовской истины теряются как бы «сами собой», человек все равно оказывается виновным в происходящем и ответственным за наступившие последствия в силу того, что он оказывается необратимым образом «привязанным» к тому, что, собственно, и происходит. В данном случае он попадает в обозначенный в статье т. н. «бермудский треугольник» ущерба и ответственности уже не посредством деяния, но вследствие самой вовлеченности в соответствующее происшествие. При этом следует подчеркнуть, что в данном случае мы не стараемся оправдать объективное вменение как общий подход, но стремимся кардинально пересмотреть традиционные основания правовой ответственности, приведя их в соответствие как с фактическим юридическим процессом, так и с глубинными, философско-онтологическими основаниями данного явления.

5. Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что философско-правовое осмысление феномена вины приводит нас к заключению, что основанием вины является отнюдь не «субъективное отношение к деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла либо неосторожности», но также и не «объективное нарушение норм и правил, установленных в обществе». Человек может оказаться виновным лишь постольку, поскольку он, будучи вовлечен в определенного рода происшествие, занимает в нем определенное место, в силу чего обретает определенные «права» и может нести «обязанности», посредством которых становятся осмысленными всякие «юридические» предпосылки вины и ответственности. При этом в качестве гипотезы следует предположить, что в практической плоскости вина и ее формы оказываются возможным критерием для разделения публичной и частной сфер права, что позволяет перейти от догматического постулирования к выработке адекватного методологического инструментария для спецификации предмета отдельных отраслей права.

Литература

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1: А — З.
2. *Дигесты Юстиниана* / перевод с латинского. Т. I. Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002.
3. *Досократики: элеатовский и доэлеатовский периоды* / пер. с древнегреч. А. Маковельского. Минск : Харвест, 1997.
4. *Карнаух Б. П.* Вина як умова цивільно-правової відповідальності. Харьков : Право, 2014.
5. *Покровский И. А.* История римского права. СПб. : Летний сад, Нева, 1999.
6. *Римское частное право* : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М. : Новый Юрист, 1997.
7. *Стовба А. В.* Темпоральная онтология права. СПб. : Алеф-пресс, 2017.
8. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть / М. Фуко. Истина и правовые установления. М. : Праксис, 2005.
9. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
10. *Хайдеггер М.* Парменид. СПб. : Владимир Даль, 2009.
11. *Черепяхин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 93–120.
12. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tuebingen : Max Niemeyer Verlag, 2001.
13. *Wolf E.* Griechisches Rechtsdenken. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1947.

References

1. Cherepahin, B. B. The Question of Private and Public Law [K voprosu o chastnom i publichnom prave] // Cherepahin B. B. Works in Civil Law [Trudy po grazhdanskomu pravu]. Moscow : Statut, 2001. Pp. 93–120. (in rus)

2. Dal', V. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language [Tolkoviy slovar' givogo velikoruskogo yazika]: In 4 vol. Moscow : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries [Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannikh i national'nikh slovarey], 1955. Vol. 1: A – Z. (in rus)
3. Digest of Justinian [Digesty Yustiniana] / Translation from Latin. Vol. 1. Ed. by L. L. Kofanov. Moscow : Statut, 2002.
4. Pre-Socratics: Eleatic and Pre-eleatic Periods [Dosokratiki: Eleatovskiy i doeleatovskiy periodi]. Minsk : Harvest [Harvest], 1997. (transl. from Ancient Greeks)
5. Foucault, M. Intellectuals and Power [Intellectuali i vlast'] / M. Foucault. Truth and Legal Establishment [Istina i pravovie ustanovleniya]. Moscow : Praxis [Praksis], 2005. (transl. from French)
6. Foucault, M. Discipline & Punish. The Birth of the Prison [Nadzirat' i nakazivat'. Rogdenie tur'mi]. Moscow : Ad Marginem, 1999. (transl. from French)
7. Heidegger, M. Parmenid [Parmenid]. Sankt Peterburg : Vladimir Dal [Vladimir Dal'], 2009. (transl. from German)
8. Heidegger, M. Sein und Zeit. Tuebingen : Max Niemeyer Verlag, 2001.
9. Karnaukh, B. P. The Guilt as Condition of the Civil-law Responsibility [Vina yak umova tsivil'no-pravovoi vidpovidal'nosti]. Kharkiv : Law [Pravo], 2014. (in Ukrainian)
10. Pokrovskiy, I. A. History of Roman Law [Istoriya rimskogo prava]. Sankt Peterburg: Summer Garden, Neva [Letniy sad, Neva], 1999. (in rus)
11. Roman Civil Law [Rimskoe chastnoe pravo] : Guide / Red. Novitskiy I. B. and Preterskiy I. S. Moscow : New Jurist [Noviy yurist], 1997. (in rus)
12. Stovba, O. V. Temporal Ontology of Law [Temporal'naya ontologia prava]. Sankt Peterburg: Alef-press [Alef-press], 2017. (in rus)
13. Wolf, E. Griechisches Rechtsdenken. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1947.